

Дом открытых дверей

Прекратил существование последний сквот в городе

Власти закрыли последний культовый сквот в городе. Еще несколько дней назад в полуразрушенном доме во дворе «Пельменной» на Пятницкой улице жили художники, хиппи, бомжи и просто маргинальные тусовочные личности. Сегодня подъезд заварен внушительной железной решеткой с амбарным замком. Внутрь больше не попасть. Вот так буднично закончилась яркая история московских сквотов. А начиналось все очень даже лихо. Самый знаменитый столичный сквот был в «булгаковском» доме на Большой Садовой.

Антон ЕЛИН

Живой реквизит

Участковый откашлялся и деликатно, но настойчиво позвонил в дверь. Злополучный подъезд не давал покоя многим поколениям московских участковых на протяжении почти шестидесяти лет. Недаром писатель Булгаков про квартиру № 50 даже книгу написал. Да и эта, на верхнем этаже, недавно горела, а теперь вот волосатые киношники какой-то странный фильм снимают, про бомжей вроде. Хорошо, добрые люди подсказали, что здесь чуть ли не целый полк грязных бездомных хиппи и бродяг держат.

После десятиминутной возни, шушуканья, топота с той стороны и залпа деликатных, но настойчивых звонков с этой дверь открылась. На пороге стоял длинноволосый молодой человек интеллигентного вида.

— Гражданин Аристакисян, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Вы режиссер картины, снимаемой на моем участке по заказу «Мосфильма»? Поступил сигнал, что на съемочной площадке находится большое количество посторонних и что они даже живут здесь. Надо проверить.

— Проверяйте, пожалуйста, — режиссер вежливо отстранился, пропуская незваного гостя в квартиру, то есть на съемочную площадку.

Через пять минут безуспешных поисков представитель закона, промокнув носовым платком лысину, раздраженно оглядывался по сторонам — довольно странная, не очень понятная участковому обстановка, но все в идеальной чистоте. А главное — никаких посторонних, только съемочная группа да пара актеров.

— А за этой дверью что у вас? — милиционер сделал инстинк-

тивное движение вперед. — Отоприте!

— Реквизит, начальник, — хитро сверкнул глазами длинноволосый режиссер.

Дверь открыли. Блюститель порядка оказался в темноте. В комнате пахло пылью, нафталином и старым сундуком. Стояла полная тишина. Участковый уже собрался повернуться и уйти, но на всякий случай достал зажигалку... Комната оказалась безграничной, а со всех сторон на него неотрывно смотрели глаза, много-много горящих неподвижных глаз.

— Ну что, гражданин начальник, к реквизиру претензий нет? — кричал режиссер вслед убегающему милиционеру.

— Да в порядке, в порядке все, снимайте!

За гостем закрылась дверь. Аристакисян спросил оператора: «Снято?» «Снято», — ответил тот.

«Бесы»

Этот эпизод попал в фильм «Мария» авангардного московского режиссера Артура Аристакисяна, который снимался в начале лета 1995 года. А съемочная площадка картины, на которую «Мосфильм» тогда выделил небольшие деньги, постепенно превратилась в место обитания всех актеров и членов съемочной группы. И стала самым знаменитым в Москве сквотом.

Когда сюда впервые пришли люди, одетые в пестрые одеяла, цветастые обмотки и гавайские гирлянды, квартира № 11 представляла собой довольно психоделичное зрелище. Она находилась на последнем этаже «булгаковского» дома 302-бис (так называемые «бесы»). В квартире недавно был пожар, потолок местами выгорел, местами просто обвалился. Бесконечный московский дождь лил на пол ручьями, а пол кое-где предательски уходил из-под ног.

Постепенно сюжет фильма начал сливаться с реальностью. В фильме странница Мария (Инна Рижская) находит приют в коммуналке хиппи, которая обосновалась в этих развалинах. Очень часто на улице велись съемки из жизни бродяг и хиппи.

...Зима. На ледяной улице замерзает истощенная молодая бездомная девушка. Возле нее опускается на колени главный герой и пытается отогреть ее поцелуями. Он раздевает ее и себя, они обнимаются — так в старину северные народы отогревали обмороженных и умирающих от переохлаждения людей. «Понаехали тут американцы наших снимать!» — ворчат прохожие.

Прошло немного времени, и все участники картины во главе с режиссером стали жить на съемочной площадке. Особых сцен и дублей создавать уже не приходилось — просто включай камеру и снимай, хоть того же участкового. Залатали дыру в крыше, убрали полувековой мусор с лестничной площадки — так, что даже санэпидстанция не смогла придираться, притащили из домов одеяла. А «на огонек» заглядывали уже настоящие нищие и бездомные.

Потакая склонности большинства хиппи к интеллектуальной жизни, Артур Аристакисян устроил на сквоте университет — вел курс «Мифы и притчи». Володя Теплышев читал «Эстетику бедности» — рассказывал об одежде странников и путников, опыте древних и новых общин, образе жизни последователей святого Франциска Ассизского, индейцев и традиция хиппи. Лекции по технике и теории юродства читал Виталий Морозов. Его занятия были прямым репортажем на языке театра абсурда. Вилли Мельников (пресвитер Никандр) вел предмет, название которого уверенно и четко выговаривал только он сам — «Апокрифы и стихоглифы».

Тем временем, пока сюжет фильма сливался с реальностью, некоторые старались от этой реальности убежать. Появляющихся наркоманов отправляли в другой сквот — на Остоженке. Не подозревая еще о том, какая участь им уготована.

Дым на Остоженке

Сквот на Остоженке в доме с магазином «Обувь» на первом этаже знаменит ужасной трагедией, о которой никто из бывших сквоттеров старается особенно не говорить и даже не вспоминать.

Здесь жили в основном молодые люди, равнодушные к «травке» (марихуане), «белой лошадке» (героину), «люсе» (ЛСД), «федору» (фенамину). Психоделические эксперименты с сознанием не прекращались ни на минуту. На все это с огромного плаката в «гостиной» смотрел улыбчивый профессор Тимоти Лири, лидер и кумир американских наркоманов и определенной части богемы. Сквот этот называли не иначе как «шизо-вый». Ходили сюда раскуриться, «своих» наркотиками угощали бесплатно, потому как много было.

Жил там безумный американец Пол, который приехал в Москву из Таджикистана в машине, все свободные полости которой были забиты прессованной пылью — гашишем. Несколько лет Пол жил на доходы от пыли и попутно даром раздавал ее «своим». Пол называл себя Трэшем — от английского trash (отбросы, мусор).

Особого веселья в сквоте никогда не было, но никто не предполагал, что все закончится настолько мрачно.

В то время в Москве сколотилась группа людей, завязавших с наркотиками. Хотя они и потеряли вкус к саморазрушению, но все же психически оставались далеки от совершенства. Их явным лидером считался некий Ян Смертник, навязчивой идеей которого было очищение Москвы от наркотиков и физическое уничтожение тех, кто их употребляет. Многие сейчас совершенно уверены, что такое пришло ему в голову исключительно благодаря воздействию неумеренно употреблявшихся в прошлом наркотиков. А тогда никто не воспринимал всерьез проповеди и брошюры собственного производства, которыми время от времени он пичкал своих знакомых. Поэтому не сразу поверили, узнав, что Яну удалось «очистить» сквот на Остоженке от троих, как он их называл, «грязных». Они были искалечены и сожжены. Группу убийц не пришлось долго разыскивать, и, конечно, их посадили.

Заколоченная дверь в последний московский сквот

Манхэттен, родина сквотов

Откуда на головы наших неподготовленных участковых свалились эти самые сквоты? Как и все напасти — из Америки.

Буквальный перевод с английского этого слова обозначает «сидя на корточках». История сквоттерства в Нью-Йорке почти так же стара, как и сам город, и началась еще когда люди захватывали пустующие дома с самой простой целью — чтобы жить. Когда-то давно в английском праве был закон, по которому любой, кто отремонтировал пустующий дом, получал его в собственность. Святая простота и непосредственность этого постулата давно канула в Лету, но мечта о ней так и осталась жить с тех пор в сердцах бездомных, бродяг и клошаров всего мира.

Еще до середины XIX века весь остров Манхэттен принадлежал тогдашним сквоттерам — в основном эмигрантам африканского происхождения. Позже, когда Нью-Йорк разросся, Манхэттен видел не одну дику сцену и кровавую разборку, разгоревшуюся между новыми собственниками земли и уже «укоренившимися» на ней сквоттерами.

С 70-х годов сквоты стали явлением молодежной культуры. Хиппи и панки, художники и музыканты, поэты и режиссеры, а вместе с ними и кто придется, селились вместе, чтобы весело проводить время.

Детский сад

В Москве первый сквот появился в детском саду. Нет, это были не восставшие против родителей и убежавшие из дома дошкольники. С 1985 по 1986 год здесь обитала, ощущая выход за пределы социалистической действительности, богема.

Так уж получилось, что давно пустовавшему зданию детского сада в Хохловском переулке потребовался сторож. На эту должность взяли ничем не приметного человека с простым именем Леша Иванов. И совершили крупную ошибку. На деле Леша оказался скульптором авангардного направления и устроил там, в переулках недалеко от нижнего выхода станции метро «Площадь Ногина» (ныне — «Китай-город»), свою мастерскую. Вскоре потребовались еще три «сторожа». Ими стали московские художники Саша Грибоедов и Коля Филатов, а также поэт Герман Виноградов.

Детский садик превратился в сквот. На стенах появились безумные картины и стихи, в детской спальне вырос сад камней из железа и булыжников. А в игровых комнатах проводились вечеринки и давались концерты. Здесь «отрывались» Сергей Курехин, Тимур Новиков, Артем Троцкий, Густав Гурьянов, Африка (Сергей Бугаев) и Виктор Цой. Бродила по комнатам и пела свои песни Жанна Агузарова. Постоянно ходили слухи, что с минуты на минуту должна приехать Алла Пугачева. Но она так и не приехала.

Буржуазия

Знающие люди утверждают, что сегодня в Москве не осталось ни одного сквота. Поэт Герман Виноградов считает, что «московские сквоты стали домо-владениями». Да и многие хозяева и завсегдатаи тех еще сквотов теперь все чаще предпочитают звать себя не иначе как истреблением буржуазией, в крайнем случае — коммерческими художниками.

Невольный создатель самого известного сквота режиссер Артур Аристакисян собирается давать домашние спектакли у себя дома, на Чистых прудах.

Обитатель другого известного сквота — в Хохловском — поэт Герман Виноградов воплотил свою старую мечту о домашнем саде камней — садик растет теперь на его лестничной площадке в доме около Курского вокзала. По воскресеньям он устраивает «мистерии» для друзей с использованием музыкальных инструментов собственного изготовления.

«Подполье» 80-х в большинстве своем успешно перенеслось во вполне официальные выставочные залы, на концертные площадки, в ночные клубы. За вход туда теперь надо платить.

А фильм «Мария» так до конца и не сняли — съемочную группу выгнали, квартиру в «булгаковском» доме продали банку. Сейчас там стоит железная дверь. Теперь за ней уже ничего не происходит.